Королевский дворец располагался в самом центре Столицы Яркого Леса. Столица окружает дворцовую территорию, они разделены высокой каменной стеной и барьером из пышных деревьев.

Столица Яркого Леса занимала очень большую территорию, охватывая более 10 000 квадратных километров земли, что делало его вторым по величине городом в Империи Августа, чуть меньше знаменитой величественной Имперской Столицы.

…

Под полузатянутым облаками небом утренний солнечный свет падал на чрезвычайно большую черно-серебристую карету.

Четыре лошади скакали в тандеме, быстро вытаскивая повозку за пределы большого скопления высоких деревьев, которое полностью охранял большой полк патрулирующих бронированных культиваторов.

Под каретой шла широкая, выложенная каменной плиткой дорога, которая вела к толстой каменной стене того же цвета, которая тянулась на десятки метров в высоту, а внушительные ворота уже открывались, готовясь к въезду кареты.

Как только карета въехала в большие металлические ворота, Ослен встал на колени брата и поднял голову, чтобы посмотреть в стеклянные окна.

Ух ты.

Глаза Ослена ослепили при виде шумного города, окружавшего его. Его взгляду доминировали огромные каменные и кирпичные здания с арками и куполами. Высокие башни и величественные шпили гордо уходили в небо, украшенные красивой резьбой и орнаментом.

Усаженные деревьями улицы были удивительно чистыми, несмотря на плотные толпы горожан и экипажи, которые двигались по ним. Горожане снаружи были одеты в мантии и платья, состоящие из множества ярких цветов и ярких вышивок.

В данный момент, однако, большинство из них стояли неподвижно с горящим энтузиазмом, глядя на черно-серебристую карету с нетерпеливым любопытством, вслух задаваясь вопросом, кто из членов королевской семьи собирается в этот день приехал в город. Однако, как бы они ни старались, они не могли заглянуть внутрь из-за мерцающих, мешающих обзору формаций заклинаний, которые слабо закрывали стеклянные окна.

Ослен снова сел на колени старшего брата, наслаждаясь захватывающими дух пейзажами снаружи.

Это было несколько проще, но в то же время грандиознее, чем он ожидал ранее, однако он был немного удивлен плотностью людей, занимавших такую маленькую площадь. Ему казалось, что он проезжает по Таймс-сквер в новогодние праздники.

Эйден посмотрел на выражение лица Ослена с дрожащими губами, отчаянно пытаясь сдержать улыбку, которая угрожала появиться на его маленьком лице. Отвлекшись, он повернулся к одному из своих слуг, сидевших рядом с ним, чтобы тот указал ему путь к намеченному месту назначения.

…

Проехав большое количество людных улиц и перекрестков, колеса экипажа, наконец, перестали крутиться, и он остановился перед входом в экстравагантно дорогое на вид трехэтажное здание.

Как только Ослена вынесли из кареты на руках его брата, он тут же ощутил одни из самых ароматных и восхитительных ароматов, которые он когда-либо вдыхал в своей жизни, стимулируя его вкусовые рецепторы до такой степени, что он заставлял его сглатывать слюну. наращивать.

Теперь он понял, что это здание было рестораном! Он даже представить себе не мог, какая еда может издавать такой аппетитный аромат.

Он с любопытством взглянул на красиво оформленную вывеску, висевшую над входными дверями, однако пока не умел читать. Он неохотно отвел взгляд.

Свита вошла в здание.

Хотя внутри здание было таким же красивым и роскошным, как и снаружи, Ослен первым делом заметил, что внутри такого большого ресторана не было видно ни одного человека.

Ослен огляделся на сопровождавших его слуг и охранников, но ни один из них, похоже, не удивился обстоятельствам.

— Мы трепещем? Гле все оставные? (Брат, где мы? Где все остальные?)

«Это самый известный ресторан во всей столице! Причина, по которой вы больше никого не видите внутри, заключается в том, что владелец любезно расчистил место для нас заранее. Обычно это место забито гостями.

Ослен приподнял брови, но больше не удивлялся. Он опустил взгляд, когда несколько мужчин и женщин в зеленых одеждах с верхнего этажа. Они торопливо поприветствовали Эйдена и компанию, прежде чем повели их наверх к большому столу, уставленному таким количеством блюд, что Ослен не мог представить, как их группа из восьми человек могла съесть их все.

Насыщенный аромат наполнил чувства Ослена, пока он смотрел на различные тарелки.

Среди деликатесов были блестящие кольца колбасы, свиные ребрышки в глазури, золотистый жареный цыпленок, суп на костном бульоне с лапшой и множество других блюд этого мира, названия которых Ослен пока не мог назвать.

Слуга выступил вперед и махнул рукавом в сторону стола, на несколько мгновений осветив еду слабым светом.

Затем слуга молча кивнул Эйдену, когда тот отошел от стола.

После указания, что еда безопасна для употребления, Эйден усадил Ослена на детский стульчик, прежде чем найти место рядом с ним, в его взгляде преобладало возбуждение. Но прежде чем он взял тарелку для себя, он потянулся за приятно пахнущей тарелкой овощной рисовой каши и начал кормить теперь нахмурившегося Ослена.

Ослен был в бешенстве! Несмотря на то, что овсянка, несомненно, была первоклассной, он в отчаянии не мог уловить ее вкуса. Еще раз вспомнив о своем инфантильном состоянии, он посетовал на то, что вся эта вкусная на вид еда перед ним не суждена ему съесть.

Накормив Ослена несколькими кусочками, Эйден начал рыться, как голодный сумасшедший.

Ни слуги, ни охранники даже не взглянули на еду на столе, только закрыв глаза, пока Эйден поглощал множество блюд, как будто пережевывание пищи было чуждым понятием. Было удивительно, как ему удавалось сохранять такое безупречное чувство этикета при такой скорости, с которой он двигался.

В течение часа все блюда исчезли со стола, оставив Ослен в недоумении.

Является ли это побочным эффектом того, чтобы быть совершенствующимся? Могут ли нормальные люди позволить себе самосовершенствование? Какая семья из низшего или среднего класса может обеспечить такого жадного до денег монстра?

Как только слуга помог Эйдену очистить лицо и руки, группа вышла из-за стола, оставив сумку с золотыми монетами, и направилась к выходу.

Как только они вышли наружу, взгляд Ослен был устремлен к небу, наблюдая, как облака быстро становились все больше и темнее в напряжении.

Эйден не мог не нахмуриться в детском разочаровании: «Скоро пойдет дождь. Наша поездка в амфитеатр Августина будет испорчена!»

Словно в насмешливом ответе по небу пронеслась молния, а раскаты грома прокатились по всему городу.

Эйден надулся про себя, прежде чем вздохнуть, пытаясь немного восстановить свой темперамент. Затем он посмотрел на Ослена с молчаливым извинением, как будто эта прогулка была идеей Ослена все это время.

Один из слуг рядом с ним усмехнулся, прежде чем открыть рот, чтобы сказать: «Ну, Ваше Высочество, в настоящее время у нас есть два варианта на выбор. Мы можем найти внутренние достопримечательности для Второго принца, такие как музей, библиотека или храм. Или мы вернемся пораньше и попробуем в другой день. Что вы думаете?"

Эйден опустил голову, задумчиво глядя на брата: «Библиотека не подойдет, потому что Ослен еще не умеет читать, и я боюсь, что в музее ему будет скучно и он заснёт …»

Ослен лениво лежал на руках у Эйдена, внутренне умоляя этого сопляка поторопиться с его решением, иначе они все застряли на улице, когда пойдет дождь.

Эйден поднял голову и решительно обратился к своим слугам: «Пойдем в Храм Милосердия!»

Наконец, группа села в карету, устроилась внутри кареты, прежде чем отправиться к храму.

…

В толпе людей шла высокая фигура, прикрытая грязным длинным черным плащом.

Внезапно его движения остановились, когда слева от него проехала черно-серебристая карета.

Фигура быстро подняла голову в воздух. Громкие, драматические вдохи раздались из глубины их капюшонов, шокируя прохожих.

Фигура в капюшоне продолжала безумно нюхать, как будто им не хватало того запаха, который

привлек их внимание.

В конце концов аромат начал рассеиваться, и голова в капюшоне мотнулась назад, в сторону удаляющейся кареты. В тени капюшона мягко светились ярко-желтые радужки, а зрачки внутри постепенно начали удлиняться.

Повернув остальную часть своего тела в том направлении, куда указывала его голова с капюшоном, фигура в плаще снова продолжила идти в умеренном темпе, желтые глаза остановились на карете впереди, когда неизвестная жидкость начала периодически капать из теней поднятого капюшона.

…

Проливной дождь безжалостно хлестал по вагону, пока компания шла по гораздо менее населенной улице.

Через залитые дождем окна Ослен мог грубо разглядеть ряды зданий разного размера, многие из которых лишены каких-либо декоративных архитектурных элементов. Однако в нынешних погодных условиях было трудно увидеть их более четко.

Сев от скуки обратно на колени Эйдена, Ослен понял, что отчаянно скучает по скоростным видам транспорта, которые удобно предоставила Земля.

Желая немного развеять тоскливое настроение, Ослен великодушно решил дать Эйдену возможность продемонстрировать свои многообещающие знания перед его очаровательным младшим братом.

«Кстати, Эйден, вто такое храм?» (Брат Эйден, что такое храм?)

Как и ожидалось, в голубых глазах Эйдена вспыхнул свет, прежде чем он посмотрел на Эйдена, чтобы объяснить. «Храмы — это здания для молитв, медитаций и жертвоприношений. Каждый храм, который вы видите вдоль этих улиц, посвящен легендарному Бессмертному!»

Глаза Ослена слегка расширились, когда он спросил: «Бевсмертный?» (Бессмертный?)

Посмеиваясь над произношением Ослена, Эйден ответил: «Небесные существа с неограниченной продолжительностью жизни! Я мало что о них знаю, но Мастер сказал мне, что даже у совершенствующихся есть возможность стать одним из них!»

Ослен смотрел, как его брат замолчал с детской фантазией.

Хотя мысль о существах с безграничной продолжительностью жизни казалась скептической, после всех иррациональных вещей, которые он недавно испытал, он больше не мог удивляться.

В этот момент карета остановилась перед большим, но непритязательным каменным зданием.

Группа высадилась на пустынные, проливные улицы.

Слуга задумчиво накрыл братьев широким черным зонтом, прежде чем они направились к распахнутым дверям Храма Милосердия.

Как только они переступили порог храма, Ослен почувствовал дрожь в затылке.

Это чувство отдаленно напомнило ему некоторые из его одиночных походов в горы. Ему

казалось, что хищное дикое животное пряталось в ужасающей близости от него, бесшумно крадясь со злыми намерениями.

Ослен вздрогнул, прежде чем развернуться в руках Эйдена, быстро оглянувшись через плечо на залитые дождем окрестности.

Эйден проследил за его взглядом. — Что случилось, Ослен?

Ослен еще немного огляделся, прежде чем тихонько задуматься. Он внимательно посмотрел на охранников вокруг него. Увидев, что они, похоже, не почувствовали ничего странного, он ответил: Нифто». (Ничего.)

Однако его мысли говорили совсем о другом.

Я уверен в своей интуиции. Я почти уверен, что кто-то или что-то по крайней мере наблюдает за нами, но я ничего не могу сказать, если эта большая группа «культиваторов» этого не замечает. Никто бы не воспринял меня всерьез.

Я надеюсь, что это действительно ничего серьезного.

Эйден продолжал идти внутрь, держа на руках все более подозрительного Ослена.

Когда шум дождя стал оглушать, Ослен воспользовался возможностью, чтобы осторожно осмотреть окрестности храма.

Их шаги эхом разносились по большому, но на удивление пустому залу.

Ряды толстых простых каменных колонн поддерживали чрезвычайно высокий потолок. Кристаллы, время от времени выстроившиеся вдоль стен, излучали тусклый свет, который только усиливал растущее беспокойство Ослена.

Повернув глаза вперед, Ослен приспособившимся зрением смог различить большую и запутанную тень в голове комнаты.

Как только группа подошла достаточно близко, чтобы Ослен мог разобрать детали, его тревожное внимание было полностью поглощено

На большом троне небрежно восседала гигантская статуя женщины, вылепленная из того, что казалось чистым золотом. Она была одета в струящиеся одежды и корону с замысловатой отделкой. К ее бокам и спине было прикреплено огромное количество дополнительных рук, а поверх ее короны было сложено множество меньших головок разных размеров.

Изысканность статуи совершенно не сочеталась со скромностью, которую излучала остальная часть храма.

Группа почтительно поклонилась статуе, а глаза Ослена неудержимо расширились.

Ослен был действительно потрясен, уверенный, что видел эту фигуру раньше в одном из своих путешествий.

Разве это не…? Как ее еще раз звали?

Оглянувшись на Эйдена, Ослен спросил: Фто она? (Кто она?)

Эйден тихо и почтительно ответил Ослен: «Она Бессмертная Мать Сострадания и Милосердия. Она абсолютная вершина доброты и любви. На самом деле отец привел меня сюда за несколько дней до моего шестого дня рождения. Именно тогда он научил меня, что все совершенствующиеся должны нести в себе ее черты, и что я тоже должен стремиться нести их».

Ослен внимательно выслушала представление Эйден, даже найдя ее титул тревожно знакомым.

Подождите! Я помню! Это Гуа…

Но прежде чем он успел закончить свои мысли, это навязчивое чувство внезапно вернулось в несколько раз сильнее, чем раньше, отчего Ослен чуть не задохнулся.

Обретя контроль над собой до того, как он выказал резкое беспокойство, Ослен обернулся, на этот раз медленно, в объятиях брата, внимательно оглядываясь на вход в храм.

На этот раз он действительно что-то увидел.

В тусклом свете рядом с открытой дверью он едва мог разглядеть высокую фигуру, похожую на тень, стоящую там в полной тишине.

Фигуры раньше не было.

Ослен продрог до костей, но продолжал водить взглядом мимо фигуры, как будто не видел ничего существенного.

Поняв, что никто в комнате, кажется, не замечает присутствия фигуры, его охватила мощная волна страха.

Тем не менее, он вел себя так же естественно и спокойно, как и раньше, медленно поворачиваясь с милой улыбкой на лице, сладко глядя на Эйдена.

«Ну, я увсталь. Повсли домой. (Брат, я устал. Пошли домой.)

http://tl.rulate.ru/book/76860/2298392